

Тело Камиллы обладало способностью искажать чужое восприятие, но в обычных обстоятельствах А-Эр редко прибегал к этой силе. Ему это казалось слишком хлопотным делом, да и лишало процесс половины веселья.

Когда А-Эр выбрался из подворотни, на нём была лишь свободная рубашка, едва прикрывавшая бёдра. На бледной коже ног расплывались багровые пятна свежей крови, похожие на лепестки диких роз.

Именно в эту минуту Осаму Дадзай снова встретил А-Эра.

Их воссоединение после долгой разлуки выглядело до крайности нелепо и жутко. Впрочем, ни один из них не придал этому значения. В конце концов, назвать кого-то из этой парочки нормальным человеком язык бы ни у кого не повернулся.

Дадзай мельком заглянул в беспросветную темень переулка. Несколько жирных серых крыс, нажравшись до отвала, шмыгнули прочь, сверкнув в полумраке алыми бусинками глаз. Судя по всему, там осталось лежать тел семь-восемь. Тяжёлый, удушливый запах крови буквально резал ноздри. У А-Эра никогда не было привычки прибирать за собой, так что совсем скоро эта бойня наверняка украсит первые полосы иокогамских газет с какими-нибудь кричащими заголовками вроде: «Чудовищное побоище! В тёмном переулке обнаружены изувеченные тела!»

— О, давненько не виделись, о божественный, — Дадзай небрежно прислонился к стене, засунув руки в карманы.

Сейчас он мало походил на того истощённого, угловатого мальчишку, которого А-Эр встретил когда-то впервые. К счастью, А-Эр всё ещё его помнил и не вычеркнул из памяти так же легко, как бывших приятелей по играм. Впрочем, Осаму умел оставлять о себе неизгладимое впечатление.

Неизменным оставался лишь его насмешливый, почти издевательский тон, с которым он произносил слово «божество».

— Всё ещё развлекаешься подобными глупостями? — поинтересовался Дадзай.

Внешность у Камиллы была довольно заурядной. Он не шёл ни в какое сравнение с безупречным Кадзумой Арааки или даже с Сидзукой Годзё до того, как тот пострадал от отдачи собственной техники. Обычное лицо, которое затерялось бы в любой толпе, если бы не одна деталь: от него исходило странное, почти магнетическое притяжение, схожее с зовом бездны.

Это походило на то чувство, когда стоишь на краю обрыва — колени начинают дрожать, сердце бешено колотится, а в голове рождается безумный порыв сделать шаг в пустоту.

Рядом с Камиллой этот эффект кружил голову в стократ сильнее.

Каждый, кто приближался к нему с грязными мыслями, оказывался не в силах совладать со звериными инстинктами. Мерзавцы жаждали подчинить его, подмять под себя, но гибли в то же мгновение, стоило им поддаться этому искушению.

К слову, пачкаться в чужой крови А-Эр вовсе не планировал — просто увлёкся игрой. В этом теле не было репродуктивных органов, так что ни о каком насилии и речи идти не могло, разве что... впрочем, опустим подробности.

А-Эр отшвырнул испачканный кровью длинный клинок — подношение от какого-то богача, которое он прихватил с собой шутки ради.

— Они сами умоляли поиграть с ними. Я лишь исполнил их заветное желание.

У А-Эра хватало почитателей. Одни, вроде банды Андре, отслеживали его маршруты и неотступно следовали по пятам, готовые прислуживать в любую секунду. Другие — набитые золотом толстосумы — осыпали его деньгами и редкими подношениями.

А-Эр в теле Камиллы обожал роскошь и удовольствия, а потому никогда не отказывался от даров.

Иногда, под настроение, он выполнял чужие просьбы. Например, брал в руки поднесённое оружие. Или, как сегодня, соглашался на уговоры тех, кто так отчаянно жаждал составить ему компанию. Теперь эти несчастные мирно покоились в подворотне.

— Исполнишь желания? Какое милосердие, о божественный, — протянул Дадзай со своей обычной ленивой усмешкой. — Может, и моё исполнишь?

А-Эр с весёлым смешком так и подпрыгнул к нему.

— А если я скажу «да»?

Дадзай удивлённо прищурился, и в его глазах промелькнула догадка. Ещё несколько лет назад, перед смертью Камиллы, он заметил, что с тем творится нечто неладное. Он напоминал голодного, истекающего слюной зверя, готового в любой момент перегрызть чужую глотку и сожрать тёплые внутренности.

Смертные не могли убить его. Он ушёл из жизни по собственной воле — и в этом было истинное величие, достойное мифического творца. Он сделал это лишь для того, чтобы случайно не разнести в щепки свою любимую песочницу.

Уже тогда Дадзай понял: этому миру суждено погибнуть. И конец ему принесёт именно стоящее перед ним существо.

И предчувствие его не обмануло. А-Эр озвучил то, что Дадзай и так подозревал:

— У меня отличные новости. Скоро мне придётся встретить тех двоих. Когда это случится, можешь спросить у них сам. Мы с тобой, конечно, совсем не ладим, но они наверняка отнесутся к тебе со всей нежностью. Кто знает, быть может, в этот раз ты наконец получишь свой ответ?

Это была очевидная приманка, брошенная проголодавшимся хищником. То, чего так отчаянно искал Дадзай, попросту не существовало в природе. От одной мысли о «счастье», сошедшем с уст этого монстра, Осаму едва не вывернуло наизнанку.

В своё время, как бы они ни пытались отыскать упомянутых Камиллой людей, ни Дадзай, ни Ранпо Эдогава не нашли ни единого следа. Тогда-то они и догадались: этих двоих в их мире никогда не было. Возможно, они жили в параллельной реальности, доступной лишь взору высшего существа.

Но теперь А-Эр говорил об их скорой встрече. Это могло означать лишь одно: привычному порядку вещей приходит конец.

Судный день неумолимо приближался.

Дадзаю на мгновение показалось, будто земля под ногами размякла, превращаясь в склизкую плоть древнего божества, а тени в переулке зашевелились, словно живые щупальца.

Ему было плевать на спасение человечества. Но его сердце всё же не было каменным — он не мог безучастно смотреть, как гибнут его друзья и коллеги из Вооружённого детективного агентства.

Он остановит А-Эра. Обязательно остановит.

Несмотря на эти мрачные мысли, на губах Дадзая сама собой проступила слабая улыбка. Словно глубоко внутри он действительно ждал, когда пророчество монстра сбудется.

В воздухе растаял тихий, счастливый смех Камиллы. Когда Осаму моргнул, А-Эра перед ним уже не было.

Ближе к ночи Цунаёши Савада наконец покончил с текущими делами. Напоследок он успел

наказать нескольких итальянских подчинённых за мелкие проступки.

В последнее время у них в ходу была особая кара: провинившихся заставляли прилюдно есть пиццу с ананасами. Несчастные были так горько, что у любого итальянца сердце облилось бы кровью.

К счастью, хотя в жилах Савады и текла итальянская кровь, внешностью и характером он пошёл в мать, а потому к подобным пыткам относился философски и даже с улыбкой наблюдал за казнью.

Разобравшись с делами мафии, он вновь вернулся мыслями к Камилле — и у него заныли виски. Число участников «Проекта по убийству Бога» росло с каждым днём. Больше всего подозрений вызывали люди из группировки «Мимик» во главе с Андре Жидом, которые тенью следовали за Камиллой.

Согласно отчётам разведки, несколько лет назад Андре и его подручные пошли на крайние меры ради своей безумной цели. Они развязали войну против бывшего убийцы Сакуносукэ Оды и даже похитили его приёмных детей, готовые хладнокровно оборвать невинные жизни лишь ради того, чтобы заставить Оду сойтись с ними в смертельном бою.

К счастью, среди заложников оказался приятель Камиллы. Это и спасло малышей. Одасаку успел забрать детей и скрыться в безопасном месте, а приглядывавший за ними владелец ресторанчика спешно закрыл лавочку и уехал на родину.

Вот только после этого одержимость Жида переключилась с Оды на Камиллу. Узнав, что тот и есть то самое всевидящее око в небесах, фанатики из «Мимика» сочли всё произошедшее — встречу с Одасаку, похищение детей и вмешательство божества — перстом судьбы.

От отчаявшихся наёмников, мечтающих лишь об упокоении своих измученных душ, можно было ожидать чего угодно.

Неужели подобные люди действительно смирятся с ролью тихих и преданных фанатиков? Не попытаются ли они выкинуть очередной безумный трюк, чтобы спровоцировать А-Эра и заставить его нанести сокрушительный удар?

Не успел Цунаёши даже прощупать почву, как седовласый предводитель наёмников, носивший ту самую причёску, что в аниме сулит персонажам скорую гибель, лишь горько усмехнулся:

— Неужели ты думаешь, будто убийство какого-нибудь ребёнка заставит господина Камиллу уничтожить нас, как это было с Одасаку? Он будет в ярости, но эта ярость заставит его отречься от нас. Он мыслит совсем не так, как люди. Он не станет мстить вопреки здравому смыслу, зная, что мы только этого и ждём. Он просто лишит нас своего лика. Навсегда. И для нас это станет самым страшным наказанием.

Его слова звучали разумно, однако сверхинтуиция Савады настойчиво твердила, что здесь кроется подвох. Андре Жид явно не договаривал.

От бесконечных мыслей у Цунаёши раскалывалась голова. Больше всего на свете ему хотелось бросить всё к чертям и устроить себе ленивый выходной в кругу семьи. Но гора нерешённых вопросов никуда не исчезала.

К счастью, в этом филиале Семьи Вонгола обустроили великолепный термальный источник под открытым небом. Как босс, он имел полное право на уединение, чтобы смыть с себя дневную усталость и тревоги.

Но стоило Цунаёши, предвкушая блаженство, прийти туда с тазиком и полотенцем, как выяснилось, что купальня уже занята.

Мужчина с длинными серыми волосами сидел в горячей воде совершенно нагой. Влажные пряди облепили его бледные щёки и шею, спускаясь к ключицам. В этом зрелище сквозило что-то неуловимо чувственное, дразнящее. Заметив гостя, он весело замахал рукой, и весь этот флёр порочности мгновенно сменился обезоруживающей детской непосредственностью. Впрочем, Савада всё равно нашёл его чертовски милым.

— Какая встреча, А-Ган! Тоже пришёл погреться?

Савада хотел было съязвить, что Камилла вообще-то явился без приглашения, но слова застряли в горле. Он заворожённо уставился на него, пока гость не спросил с искренним недоумением: «Ты чего?»

Прекрасный, свободный, капризный зверь.

Чем прочнее Цунаёши утверждался в кресле босса Вонголы, тем сильнее его тянуло к этой дикой стихии.

Не то чтобы он тяготился своим положением. Да, этот титул лишил его многого, но взамен дал не меньше.

Если бы ему пришлось выбирать заново, ради встречи с Реборном, дружбы с Хранителями и защиты дорогих людей он всё равно прошёл бы этот путь. Да и глупо отрицать очевидное: у него никогда не было выбора. Как бы отчаянно он ни сопротивлялся в юности, теперь ему остаётся лишь обречённо просиживать штаны в кабинете над кипами бумаг.

Но человеку всегда отчаянно хочется того, чего он лишён. В отличие от опутанного обязательствами Савады, Камилла обладал абсолютной, безграничной свободой. И эта свобода вызывала у Цунаёши смесь жгучей зависти, восхищения и щемящей нежности.

Быстро ополоснувшись, Цунаёши устроился напротив А-Эра. Пока шёл к воде, он ни о чём таком не думал, но стоило опуститься в купальню и увидеть раскрасневшуюся от жара кожу собеседника, как Савада оцепенел. Взгляд так и норовил соскользнуть ниже приличий.

Он давно стал взрослым мужчиной. Реборн лично обучал его тонкостям флирта, а на светских раутах Савада без труда отыгрывал роль безупречного, галантного Десятого Босса, способного очаровать любого собеседника. Но здесь, наедине с А-Эром, он снова превращался в того самого неловкого, робкого мальчишку, не знающего, куда деть собственные руки.

— У тебя лицо совсем красное. Вода слишком горячая? — любопытствовал А-Эр и подался вперёд. Цунаёши окутал тонкий, едва уловимый аромат свежей травы и лесной прохлады.

Савада лишь сбивчиво пробормотал что-то невнятное в ответ.

К счастью, А-Эр спросил это без задней мысли и тут же перевёл тему:

— Слушай, а покажешь мне снова то пламя? Ну пожалуйста, хоть на секундочку!

Цунаёши только вздохнул.

Вся романтика и смущение мигом испарились. Иногда ему казалось, что в глазах Камиллы он — просто очень дорогая и статусная зажигалка.

Но устоять перед ним он, конечно же, не мог.

За последние годы его контроль над Пламенем посмертной воли достиг совершенства. Ему больше не требовалось использовать посторонние приспособления, как в былые времена.

Когда над его лбом вспыхнул чистый оранжевый огонёк, золотистые глаза А-Эра отразили этот свет, став похожими на янтарный жидкий мёд. На бледных щеках парня проступил лихорадочный румянец блаженства.

Саваду порой пугала эта нездоровая тяга. А-Эр воцелел это пламя с такой пугающей страстью, что казалось, однажды он сгорит в нём без остатка.

— Какая красота... — заворожённо прошептал А-Эр, не отрывая взгляда от безупречного, чистого пламени, и одарил Саваду ослепительной улыбкой. — Ты мне так нравишься!

Эта мимолётная, капризная любовь дикого зверя была обжигающе горячей, но хрупкой, точно тонкий лёд.

И всё же, глядя в эти сияющие золотом глаза, Цунаёши бережно, словно драгоценность, принял это зыбкое признание. Слегка покраснев, он мягко улыбнулся:

— Тогда постарайся не разлюбить меня слишком быстро.

<http://bllate.org/book/18335/1760518>